

ТАТЬЯНА МИРОНОВА

доктор филологических наук

НА ПОЛЕ БРАНИ

Принято считать, и это буквально навязывается нашему сознанию, что русский язык содержит множество непристойных слов, так что можно выделить даже особую его часть – русский матерный, на котором якобы разговаривает половина населения нашей страны. Русским приписывают необычайную грубость в высказываниях, без которой, дескать, не обходится у нас ни армия, ни медицина, ни строительство. Причем и сами себе мы представляемся изощренными ругателями, в отличие от цивилизованных и культурных народов, к которым причисляем всех, кроме себя.

Однако особая грубость и тяга к непристойностям у русского народа – это навязанное извне заблуждение, а совсем не наша национальная черта, поскольку необходимость в словесном оскорблении существует у всех народов, и это есть отражение и воплощение общечеловеческой потребности отмщать обидчику, совершать возмездие врагу, наказывать при помощи оскорбительной речи. Каждый народ выработал свои собственные формы словесного отмщения и наказания, хотя они подчас не кажутся нам, русским, чем-то действительно обидным. Так, к примеру, японцы, в языке которых оскорбительных, с нашей точки зрения, слов практически нет, наносят обиды своим врагам, намеренно не употребляя грамматическую категорию вежливости, так свойственную японскому языку. По-русски это звучало бы так. Вместо вежливой просьбы: “Будьте добры, откройте, пожалуйста, окно”, – мы бы просто приказали: “Открой окно!” – человеку, к которому нам нельзя обращаться на “ты” или мало нам знакомому. Индусы и казахи сохранили особый способ оскорбить родственника: они с намерением обидеть называют его просто по имени, а не по родственному статусу – невестка, деверь, шурин, сноха. Это все равно, как если бы мы пожилого, уважаемого нами человека, которого все величают по имени-отчеству “Василий Иванович”, вдруг обозвали Васькой. Для немцев крайне оскорбительны обвинения в нечистоте, неряшливости. Они существуют и у нас, когда мы обзываем кого-нибудь свиньей или свинтусом, но для русских это обвинение не слишком обидно. Получается, что словесное оскорбление есть опровержение того, что народу особенно дорого и важно: для японца важна дистанция между людьми, и они держат её с помощью грамматической категории вежливости. Для индуса или казаха дороги семейные отношения, и разрушение их наносит им обиду. Немцы – блюстители чистоты и порядка, и их оскорбляют обвинения в неряшливости. Но всё это нам не представляется особенно обидным или срамным. Наши русские формы оскорбления кажутся нам гораздо более непристойными и обидными. И это всё потому, что русским причиняет скорбь, то есть горе, а именно таково значение слова “оскорблять” – причинять скорбь, болезненную обиду, горе

человеку, — нам действительно причиняют скорбь совсем иные слова, которые задевают струны нашей национальной души и заставляют их дрожать и плакать. Эти слова именно в нас, русских, вызывают чувства страха, срама и стыда, потому что для нас дороги и святы понятия, которые пятнает оскорбление.

Что такое “ругаться в Бога-Мать”

Самое страшное оскорбление для русских — богохульство, хула на Бога, оскорбление Божьей Матери и святых, то что называлось “ругаться в Бога-Мать”. Даже у неверующих людей это вызывало чувство внутреннего содрогания, инстинктивного страха Божия и действовало на человека как сильнейший удар, вызывало нравственную боль и потрясение. Богохульство жестоко наказывалось на Руси. В первой статье соборного Уложения Царя Алексея Михайловича за богохульство полагалась казнь через сожжение.

Считается, что, благодаря таким жестоким мерам, богохульство практически исчезло из русской речи. Но это не так. Оно обрело особые формы, которые выражены словом “чертыхаться”. Богохульством по-русски является поклонение дьяволу, а в живом языке чаще в этом значении употребляется слово “чёрт”. Чёрт подери, иди к чёрту, чёрт его знает, чёрт-те что — всё это намеренные замены Имени Божьего именем врага рода человеческого, которого верующие люди остерегались и остерегаются поминать. В старину подобные богохульства употреблялись редко. Они вызывали тот же ужас, что и прямая хула на Господа, ибо поминание имени дьявола в представлении русского народа, как и любого народа, имеющего в душе веру в Бога, призывало в помощь нечистую силу точно так же, как поминание имени Божьего призывало к действию и к помощи Господа и ангелов его. Вот почему чертыханье было запрещено среди благочестивых людей, оно вызывало потрясение души, как и прямое поругание Бога.

Но в современном русском мире, где почти отсутствует подлинная религиозность, поминание чёрта перестало быть ругательством. Поскольку Бог и Божья Мать для большинства народа уже не святыня, то и богохульство в виде чертыханья, а по сути, поклонения дьяволу и нечистой силе, воплощённой в образах чёрта, лешего, “чёртовой матери” и “чёртовой бабушки”, стало обычной фигурой речи, выражающей наши раздражение и досаду.

Насколько мы потеряли страх поминания дьявольского имени, видно в вошедшем в обычай богохульном обращении к чёрту в выражении “чёрт-те что”. А ведь перед нами вопрос, которым человек, отрекаясь от Бога, ищет ответа и помощи у дьявола. Эта фраза по сути своей противопоставлена выражению “помоги, Господи”, “дай, Боже”, “спаси, Господь”. В ней присутствует обращение в древнем звательном падеже “чёрт-те” и вопросительное местоимение “что”, поставленное здесь в ожидании ответа на призыв нечистой силы. Так что, оказывается, мы, полагая чертыханье простым выплеском раздражения, на самом деле богохульствуем, призывая себе в помощь и поспешение не Бога и его благие силы, а дьявола и бесов, под разными именами пробравшихся в наш язык. Вслед за “чёрт-те что” множим мы, безумствуя, иные вопросы к бесам: “чёрт-те как” и “чёрт-те сколько”, “чёрт-те кто” и “чёрт-те зачем”... А ведь всё это формы общения с нечистой силой, или, иными словами, богохульства.

Ругань “на чём свет стоит”

Ещё один страшный вид оскорбления — матерщина, которую в древности называли “матерная лая”, уподобляя матерные слова и выражения собачьему лаю. Матерщина имеет истоки в древнем поклонении русского человека Матери Сырой Земле, которая, согласно исконным представлениям нашим, нас родила, носит на себе, кормит-поит, одевает, согревает и после смерти даёт последний приют нашему телу. Вот почему и существует выражение “ругаться на чём свет стоит”, ведь свет стоит и мир держится на Матери Земле. Мать Земля — древняя святыня, которой в старину надлежало касаться рукой прежде, чем человек вставал ото сна, — так у Земли испрашивалось разрешение встать на неё ногами. У Земли предписывалось просить разрешения на пахоту и сев, иначе она, матушка, не даст хорошего урожая. Ею приносили клятву, съедая горсть земли, которая в случае лжи или нарушения присяги вставала комом в горле. Вот отчего мы порой, сами не понимая с какой

целью, говорим, уверяя собеседника в необходимом нам деле: “Хочешь, буди землю есть!” До сей поры так необходимая в человеческих отношениях клятва связана именно с землёй. Из-за этого мы говорим, давая обещание, “провалиться мне сквозь землю”, то есть в случае нарушения слова или заведомой лжи обрекаем себя не упокоиться в сырой земле, а провалиться в тартарары, в преисподнюю, в ад. Такой же смысл несёт и проклятие “чтобы тебе сквозь землю провалиться!”, некогда вызывавшее праведный страх.

Мать Земля в русской картине мира сходна с родной матерью в заботе о своих детях, потому и матерная брань как оскорбление адресуется к матери оскорбляемого человека и одновременно к земле, которая его носит на себе. Поношение матери в наших представлениях есть осквернение чрева, выносившего его, и родной земли, вскормившей его, и подобные слова, если оскорбляемый почитает и любит родную мать, вызывают тот же ужас, что и поминание чёрта у человека глубоко религиозного и искренне верующего в Бога. И хотя мы давно позабыли древние ритуалы поклонения Матери Сырой Земле, но в большинстве своём по-прежнему любим своих матерей, и потому наша душа при матерщине трепещет и возмущается, захлёстывается чувством обиды.

Богохульство и матерщина являются оскорблением двух высших чувств в человеческой природе — чувства **святого** как осознания нами святости нашего Творца во всех Его ипостасях, и чувства **священного** как понимания места нашего творения, материала, из которого мы созданы. Это священное и есть родная мать и её прообраз — Мать Земля. Господь, по убеждению всех религиозных народов, создал нас из Земли (в слове **создать** корень **зд-** означает землю или глину). Земля есть место силы, ею человек живёт и питается в физическом смысле слова и её непременно сравнивает в глубине души с родной матерью, которая для нас священна в той же степени. Она нас рождает, растит и питает, и заботится о нас до конца наших дней. Священное, как и святое, обязывает нас к почитанию, благоговению, сбережению от всякого поругания и осквернения. И когда скверными устами произносится **матерное слово**, обвиняющее родную мать оскорбляемого в нецеломудрии или в блуде, то он переживает чувство стыда и ужаса, что является неизбежным при поругании и осквернении всего священного. В Полесье до сих пор сохранилось поверье, что у тех, кто ругается матом, земля три года под ногами горит.

Почитание священной Матери Земли было сильнейшей стороной языческой картины мира. Наши предки благоговели перед священными источниками и рощами, святыми горами. Они приветствовали просыпающуюся весной землю, просили у неё разрешения на пахоту и сев, благодарили за урожай. Женщины катались по скошенному жнивью, приговаривая: “Нивка, нивка, дай мне силку”... Христианство эту традицию не развивало, но и не препятствовало крестьянину почитать Мать Землю как кормилицу и благодетельницу. Священное отношение к земле разрушалось в городах, где люди совсем не зависели от природы и полагались только на Господа и на себя самих. А последние сто лет гонений на крестьянство окончательно искоренили сословие, которое почитало Мать Землю священной. И тогда матерщина перестала для многих быть оскорблением. Она стала грязной речью грубых людей.

Итак, богохульство вызывало у человека сильнейший **страх**. То был страх перед неизбежным отмщением за поругание Божьего Имени и за призывание бесов и чертей. Матерщина же вводила человека в шок, вызывая в нем чувство ужасного **стыда**. Стыд же, как известно, имеющий тот же корень что и слова **студить**, **стужа**, а в древности это слово звучало как студ, являл собой образ сильнейшего озноба, человек, охваченный стыдом, сам себе представлялся незащищенным, одиноким и оголённым, поскольку его лишили главных исконных защитников — Матери Сырой Земли и родной матери.

Скверна плоти и духа

Есть ещё один вид сильного оскорбления по-русски — сквернословие, использование так называемых скверных слов, обозначающих нечистоты, экскременты, органы человека ниже пояса и его физические отправления. Такое восприятие сквернословия основывалось на древней установке, через язык входящей в нашу картину мира понятия добра и зла: верх в этом случае обозначал добро, низ — зло, и в этой системе тело человека разделялось на добрую и злую половины границей пояса.

Органы человека ниже пояса представлялись, да и сейчас представляют нечистыми. И говорили мудрецы так: “Все мы наполовину люди, наполовину скоты”.

Человек, которого оскорбляют скверными словами, обзывая нечистотами или детородным органом, задней частью тела, то есть срамными, похабными, пошлыми словами, испытывает чувство, которое в русском языке называется словом **“срам”**. Срам возникает при словесном или физическом обнажении человека перед людьми, этимологически оно означает чувство жути, которое охватывает при обнажении запретного. Неслучайно о том, кто срамит кого-то или срамит сам, говорят – он **наглый**, он **издевается** и **изгаляется**. И тем самым язык наш подчёркивает, что скверна плоти обнажена, освобождена от покрова и выставлена во всей нечистоте на всеобщее обозрение. Однако сегодня сквернословие далеко не всеми воспринимается как срамное слово. Люди, потерявшие представление о чистом и нечистом в составе собственной плоти, утрачивают и брезгливое отношение к нечистому слову, поистине скверна плоти рождает и скверну духа, и речь русского человека всё больше наполняется нечистотами.

Так что оскорбление по-русски включало в себя три вида слов, вызывавших своего рода паралич души, сильнейший шок, оторопь и обиду, – это **богохульство**, **матерщина** и **сквернословие**. Богохульство влекло за собой чувство страха, матерщина вызывала стыд, а сквернословие порождало срам в человеке. Именно про эти словесные оскорбления говорят, что “словом можно убить”. Ибо такие оскорбляющие слова заставляли человека как бы обмереть, испытывал **скорбь**, а по сути этого слова – паралич души, так как скорбь происходит от понятия **скоробиться**, то есть скорчиться и застыть в скорченном состоянии. Именно об оскорблении гласит русская пословица: “Слово не стрела, а пуще разит”.

Нельзя сказать, что люди сегодня этого совсем не понимают. Но сквернословцы и матерщинники настолько приросли душой к грязной речи, что и в приличном окружении находят им эквиваленты, прямо отсылающие окружающих к нечистому смыслу – многочисленные ёлки-палки, ёшкины коты, японские городские блины, помянуть которые ныне не стесняются культурные с виду дамы и джентльмены, и даже дети не чураются их. Они являются отвратительным явлением не только грязной речи, но и свидетельствуют о грязном образе мысли произносящих подобные эвфемизмы.

Брань – словесная оборона

Однако помимо слов оскорбительных, ведущих к параличу души, в русском языке есть слова бранные, которые служат человеку на пользу. Ведь и само слово **брань** означает нашу словесную оборону в стремлении избежать физического столкновения с противником и обойтись при выжании своей агрессии одними лишь словами. Как говорили истари, “берёза не угроза, где стоит, там и шумит”. Действительно, уж лучше обругать недруга бранным словом, нежели раскроить ему в горячах череп. Так действовало предостережение: “Браниться – бранись, а рукам воли не давай”.

Бранные слова, или словесная оборона, весьма отличаются от оскорбительных слов. Брань искони использовалась как форма предупреждения противника о том, что он будет атакован, если не смирится и не сдастся. Таков обычай русского народа. Мы не нападаем на неприятеля сзади, как это делают степные народы. Мы не кидаемся на врага внезапно, без предупреждения, как это принято у наших соседей-горцев. Русские имеют обыкновение предупредить недруга о нападении, и в это предупреждение мы, как правило, вкладываем ритуальные слова поношения врага – ту самую русскую брань. Знаменитое послание князя Святослава “Иду на вы”, так удивлявшее его противников, является примером русского предупреждения супостатов о грядущей схватке. Великодушные воина-славянина здесь сопровождалось обыкновением ритуальными угрозами врагу, которые не столько деморализовали неприятеля, сколько подбадривали самого бранящегося.

Действительно, использование словесной брани ведёт своё начало из древнего воинского обряда уничтожения врага перед схваткой. Подобные обряды укрепляли в боях чувство собственного превосходства над противником. Ритуал брани был настолько обязателен в русской бытовой культуре, что на этот счёт существует известная поговорка, исходящая от лица заинтересованных схваткой зрителей: “Полно браниться, не пора ль и подражаться?”

Самым важным в таких ритуалах является переименование врага из человека в животное, причем в такое животное, победить которое легко. Нестрашные, неопасные звери и скоты — козёл, баран, осёл, свинья, лиса, собака, — становились именованьем противников русского воина. Их названия употребляли в зависимости от того, что побольнее заденет недруга, — неряшливость свиньи, тупость барана, упрямство осла или вредность козла... Но в брани никогда не использовались имена хищников — волка и медведя, противостояние с которыми не сулило лёгкой победы. Поминали в оборонной брани животных в собирательном смысле: **тварь** или **скотина** — тоже универсальные переименования перед схваткой. С возгласом: “Ах ты, скотина!” — или: “Ух ты, тварь!” — у нас принято кидаться врукопашную.

Переименование человека в скота было важно для русского ещё и потому, что русич, добрый по своей природе, не был готов убивать себе подобных даже и в открытом бою. Ему требовалось не только переименовать своего противника в животное, но и убедить самого себя, что он видит перед собой врага не в человеческом облике, а в обличье зверя. Ибо, как писал Владимир Высоцкий, “бить человека по лицу я с детства не могу”. И вот, чтобы не бить человека по лицу, это лицо по-русски переименовывали в звериную образину: так родились бранные угрозы — **набить морду**, **дать в рыло**, **начистить рожу**, **порвать пасть**, **врезать в харю**, **врезать мурло**. Все перечисленные здесь слова суть именованья звериной морды — нечеловеческого обличья. Уничтожая таким образом противника своей угрозой, приготовившийся к бою или драке человек и себя освобождал от угрызений совести, что он поднял руку на человека. Противник для него становился как бы зверем.

Есть в словесной обороне и иной способ переименования врага перед схваткой. Чтобы оправдать свою агрессию, боец называл противника именем чужака, человека чужого, враждебного нам рода-племени. Русская история накопила немало таких прозвищ, запечатлённых в языке благодаря множеству нашествий и войн. Из тюркских языков пришли к нам **балбес** (из татарского **билмас** — “он не знает”), **болван** (татарское **богатырь**), **балда** и **бадма**. Это память о монголо-татарском иге и последующем враждебном соседстве со степняками. Война с Наполеоном отразилась в словах **шаромыжник** (франц. **шер ами** — “милый друг”) и **шваль** (франц. — “лошадь”, отсюда **шевалье** — “всадник”). Слова эти пережили сложную историю. Они возникли в результате наложения друг на друга старинных русских корней и французских заимствований. Именно с опорой на русский корень в слове **шушваль** (клочок, обрывок, лоскут) произошло переосмысление слова **шевалье**, обозначавшего всадника, недруга-француза. Так возникла **шваль** — название всякого никчёмного, ни на что не годного человека. Французское **шер ами** тоже было переосмыслено в нашем языке с помощью русского корня — **шара** (пустота, дармовщина), **шаром**, **на шару** (даром) в соединении с суффиксом **-ыг-**, известном в словах **сквалыга**, **забулдыга**, **прощелыга**. **Шаромыга**, **шаромыжник**, таким образом, стали ироническими прозваниями попрошайки и ничтожества. Кстати, слово **забулдыга** имеет подобное же образование. Здесь использован татарский корень **булды** (“хватит”), а **забулдыга** означает пьяницу, у которого нет понятия “хватит”, то есть способности вовремя остановиться в хмельном питии. Вспомним здесь также и **шалопая**: заимствованное из французского языка **шепаран** (негодяй) преобразовалось в слово **шалопай** под влиянием русского **шалун**, **шалый** и стало означать обыкновенного бездельника.

Назовём ещё одну стратегию словесной обороны, которую использовал русский воин и всякий изготавившийся к драке русич. В этой стратегии очень важно предупредить своего противника, что он будет повержен и уничтожен. Именно для этого используются слова, обозначающие падаль и мертвечину. Таковы слова **падла** и **стерва**, **мразь** и **мерзавец**, **сволочь** и **зараза**. Каждое из них выражает идею мёртвого особенным образом. Если **падла** — это то, что мёртвым пало на землю, обычная падаль, то **стерва** — растерзанное существо. Не случайно медведь в говорах называется **стервецом**, что означает **терзающий добычу**. Памятен и **стервятник** — хищная птица, питающаяся падалью, терзающая её на части. **Мразью** именуют противника, сравнивая его с замерзшим до смерти существом, таков же и **мерзавец**. В слове **сволочь** прослеживается сравнение со **сволоченной** в кучу мёртвой листвою, ни к чему не годным мусором, так полагал Владимир Даль. А слово

зараза происходит от глагола *заразить* (то есть *поразить, убить*) и обозначает убитого в бою.

Итак, словесная брань – это самая настоящая стратегия защиты, предупреждение врага о нападении, уничтожение противника и одновременно укрепление самого бойца перед схваткой. Такова история происхождения бранных слов. Но и сегодня брань допустима и порой даже необходима в речи. Ведь ею можно сполна выплеснуть обиду на неприятеля, одной лишь перебранкой исчерпать конфликт и избежать рукоприкладства.

Ругань – выяснение отношений с близкими

Оскорбительными и бранными словами русский запас обидных речений не исчерпывается. Важнейшей частью национального быта является **ругань** – словесное уничтожение наших близких при выражении недовольства ими и при так называемом “выяснении отношений”.

В русской традиции общения, которая складывалась на протяжении тысяч лет, особо ценилась искренность, открытость человека во взаимодействии со своими близкими. Именно поэтому мы считаем идеалом общения разговор по душам, без которого русский человек скукоживается в собственном коконе и иссыхает душой. Но и оборотную сторону разговора по душам – искреннее выражение недовольства своими близкими – мы тоже очень ценим, называя его “выяснением отношений”. Такое общение – это разговор по душам наизнанку, это накопленные обиды, выплеснутые в лицо, это злоба, сконцентрированная в ругательном слове, которым мы обзываем провинившегося перед нами родственника или друга. В русских пословицах подобные ругатели метко сравниваются с собакой, что переменчива нравом, от свирепости до ласковости: “Полай, полай, собака, да и облизись”.

Ругательные слова, какими в нашем языке “выясняют отношения”, очень разнообразны и красочны, поскольку человек, ругаясь, стремится высказаться как можно ярче, но при этом не оскорбить, не сразить, не облить грязью. В подборе выражений ругатель, как правило, исходит из установки, что его раздражитель – как бы не человек вовсе, он некое пустое место, не имеющее главного признака человека – живой души.

Таково, к примеру, слово **“дурак”**, этимология которого основывается на понятии *дыра* – пустое место. Причем, ругаясь, мы любим подчеркнуть, что дурак – безумный, безголовый, бестолковый. И к дураку добавляем **бестолочь**, утверждаем, что у дурака *крыша съехала, чердак без верха*. Дураков величают на разные лады, новизной формы освежая силу ругательства: здесь и ласковое **дуралей**, и раздражённое **дурандас**, и добродушное **дурачина**, и гневное **дуролом**, и просто банальные **дурень** с **дурилой**, а также **дурошлёп** и **дурында**. Звонкости добавляют устойчивые определения дурака – дурак бывает **круглый, набитый, отпетый**. А если дурак не совсем дурак или притворяется таковым, то есть и для этого свои названия – **полудурак** и **придурак**.

Другое ругательное именование ближнего – бездушным предметом – обозначает разные виды дерева; тут и **чурка**, часто она выглядит как “чурка с глазами” или “чурка с ушами”, и **чурбан**, и **полено**, и **бревно**, и **дуб** с **дубиной** и **дуболомом**, причём для яркости дубина именуется **стоеросовой**, то есть не лежащей, а стоячей, подобно человеку. Высокого и тупого человека назовут ещё и **орясинной** – длинной жердью или хворостиной. Так ругают добрых молодцев. Вспомним и **пень**, к которому добавляют, что он старый или замшелый, – так укоряют стариков. Сходно с представлением о человеке-деревяшке и слово **остолоп**, оно исстари обозначало деревянный столб и имеет тот же корень. Ещё один деревянный предмет, переосмысленный в ругательство, – **оглобля**. Современный язык добавляет к этому списку **бамбук** и **баобаб**, а ещё, постулав по деревяшке, мы произносим с чувством собственного превосходства над тупицей: “Здравствуй, дерево!”

Занимательны и ругательства с названием ближних обувью. Тем самым мы подчеркиваем, что перед нами не человек, а лишь его оболочка без содержания – то есть опять-таки без души. И обувь в таких выражениях мы подбираем, соответствующую социальному статусу ругаемого нами человека. **Сапог** – скажем о тупоголовом военном, **лаптем** и **валенком** обзовём простофилю – деревенского жителя, **тапком** жена отчихвостит собственного безвольного мужа, а тот **тапочкой** – свою бестолковую жену, но в любом случае,

мы высказываемся в том смысле, что перед нами голимая пустота, бессодержательный объект.

Мысль о своей никчёмности, ненужности обидна для человека, и ругатели этим с удовольствием пользуются. Русский язык накопил коллекцию никчёмностей, используемую в ругани. Здесь и обычная **дрянь с фи́гнёй** впридачу, и более конкретные **отрепье** — рваная одежда, и **ошмётки** — старая обувь, а также **отребье** — ненужный хлам и мусор. Особняком здесь стоит слово **обормот**, оно тоже обозначает никчёмного оборванца, и звуковое сходство обормота с оборванцем вроде бы прослеживается. Однако в обормоте состоялось русское переосмысление немецкого *Ubermut* (хулиган, кривляка, шалун). Совпадение звучаний обормота с оборванцем и мотом дало импульс развитию иного значения — никчемного гуляки, промотавшегося до последней нитки. Точно так же в конце XIX века сформировалось слово **охламон**, изначально оно соотносилось с греческим **охлос** (народ) и буквально означало “человек из народа”. Но яркое совпадение звучания этого слова с корнем “хлам” породило новый смысл — плохо одетый, неряха.

Ругани, адресованной близким, свойственны и наименования их животными, прежде всего, отличающимися глупостью, вредностью или никчёмностью. Жену муж может обозвать **овцой, козой** или **курицей**, а она его в ответку — **козлом** или **бараном**. Вредного и капризного старика величают **старым хрычом** (слово “**грич**” сохранилось в чешском языке и означает *старый лес*), а ворчливую старуху прозывают **старой каргой** (слово “**карга**” сохранилось в санскрите в значении *ворона*).

Важной приметой внутрисемейной ругани являлись именованья своих ближних именами чуждого происхождения — **дундук** (никчёмный, тупой) происходит от тюркского личного имени, **олух** (глупый, неряшливый) ведёт своё происхождение от финского личного имени *Oliska*, **пентюх** (неуклюжий, туповатый) возник в результате переосмысления греческого имени (Пантелей — Пантюха — пентюх) при совпадении звучаний с выразительным *пень*.

Обратим внимание, сколь велико число таких ругательств — безобидных, ибо они не являются оскорбительными, как богохульство, мат и сквернословие, и никому не угрожают, как словесная брань. В такой повседневной ругани каждый из нас сбрасывает нервное напряжение, раздражение, которое вызывают обычно трудные обстоятельства жизни или усталость от труда: “не выругавшись, дела не сделаешь”, “без шума и брага не закиснет”. Вот оно — истинное назначение русской ругани — “поругаться — душу отвести”, а значит, вернуться в спокойное состояние и с толком довести дело до конца.

Когда же мы ругаемся на собственную родню и друзей, то и тут в подобной ругани есть большие достоинства. Психологическая разрядка наступает, когда человек пользуется всеми этими смешными именами — олухами, дундуками, орясинами и ошурками, ошмётками и валенками. К примеру, назовёшь своего ленивца-сына телепнем, и сам пустишься в хохот, представив его в виде неповоротливого увальня, телепающегося туда-сюда без толку. Или жена в сердцах крикнет мужу: “Ну, что встал, как остопоп!” — а он ей в ответ: “Совсем, овца, потерялась!” И смешно это, и не обидно, но поучительно. Почему и говорят на Руси: “Больше бранятся, смиреннее живут”, “при счастье бранятся, при беде мирятся”, “свои собаки грызутся, чужая не встревай”.

Психологи изучили потребность людей в словесной разрядке и установили, что, когда человек постоянно из страха или в силу хорошего воспитания, или ещё по какой причине не имеет возможности высказать свои негативные чувства, у него затемняется рассудок, он начинает тихо ненавидеть окружающих и может не только сойти с ума, но и совершить преступление или самоубийство. Это состояние называется по-русски “зла не хватает”. “Зла” в словесной ругани должно хватать сполна, потому что это наиболее безобидная форма наказания или возмездия раздражающему нас ближнему. После чего для обоих наступает мир и успокоение. Потому все мы и знаем: “брань не дым, глаза не ест”, “брань на воротах не виснет”, и, главное, “не побив кума, не пить и пива”.

Так зачем же, спрашивается, мы позабыли многое множество таких метких, звонких, точных ругательных слов, а вместо них, как обухом по голове, кроём наших ближних и дальних отборным матом, чертычаемся на них и сквернословим, потеряв при этом страх и стыд и выставляя напоказ собственный срам?

Может, это происходит потому, что мы уже давно живём в обществе, где люди перестали поклоняться Богу и Его Пречистой Матери? И потому хулить Их – ругаться “в Бога-Мать” не является для многих чем-то страшным? Может быть, чертыханье в ходу потому, что все эти сто лет, а то и больше дьявола перестали считать врагом рода человеческого? А значит, входить с ним в открытое общение, чертыхаясь, также стало не страшно? И ведь эти же сто лет, за какие мы так стремительно забыли Бога и познали черта, люди в нашей стране перестали поклоняться Матери Земле и пренебрегли святостью материнства вообще. Вот и матерная брань не стала вызывать стыд сначала перед лицом родной земли, потом – перед лицом родной матери и, наконец, в глазах собственных детей. Что до сквернословия, то его нечистоты уже не воспринимаются как срам, ибо люди привыкли не только грязно говорить, но и грязно думать. Всё дело именно в том, что мы в большинстве народа привыкаем грязно думать, а то и не думать вовсе, используем сквернословие и матерщину как рефлекс недовольства и негодования. При провалах в мыслях и в памяти, как установлено нейролингвистами, люди как раз и заполняют пробелы речи матерщиной, чертыханием и сквернословием. Есть даже психическое заболевание, при котором у человека полностью отсутствует речь, но, чтобы привлечь к себе внимание окружающих, больной изрыгает сквернословие и матерщину. Так что беспричинно матерящиеся и привычно сквернословящие люди сродни душевнобольным и должны таковыми восприниматься в обществе.

Итак, навязанное сегодня в России убеждение, что русские – какие-то особо изощренные сквернословцы, которые без мата не пьют, не едят и вообще не живут на свете, – это лукавство или заблуждение. Богохульство, мат и сквернословие ещё сто лет назад считались недопустимыми не только в образованной среде, но и в простом народе. Слова эти несли открытое зло, были опасны для общества и человека, их избегали, за них жёстко наказывали. Другое дело – бранные слова и ругань, что оказывались подспорьем в искреннем общении с ближними и способом предотвращения рукоприкладства. Здесь меткое русское слово служит полезную службу и по сей день. Это не значит, конечно, что мы вправе костерить родню и друзей с утра до ночи, но это значит, что мы должны беречь себя и всех окружающих нас от оскорблений и сквернословия.